

христианство, и угрозы свирепого завоевателя Месопотамии, который поклялся овладеть Антиохией и подчинить Иерусалим закону исламизма? Все эти доводы и многие другие, представляемые Раймундом Пуату, не могли быть оценены воителями, прибывшими с Запада, и которые не знали ни положения христианских колоний, ни могущества их врагов. Людовик VII отвечал, что он дал обет идти к святому Гробу, что он принял крест для исполнения этого обета, что со времени своего отправления из Франции он испытал много несчастий и не может помышлять о новых предприятиях; он добавил, что по исполнении своих священных обетов пилигрима он выслушает охотно князя Раймунда и других владельцев Сирии относительно всего, что касается выгод христианства в этой стране.

Князь Антиохии не упал духом от такого ответа. Он употребил все старания, чтобы тронуть сердце королевы, и решился употребить в дело любовь для приведения в исполнение своих замыслов. Вильгельм Тирский, оставивший нам портрет Раймунда, говорит, что этот князь «был в разговоре мягок и приветлив, обнаруживая в своих привычках и обращении удивительную прелесть и манеры превосходного и великодушного князя». Он вознамерился склонить королеву Элеонору к продолжению своего пребывания в княжестве Антиохийском. Тогда только что начиналась весна; веселые берега Оронта, роши Дафны, прекрасное небо Сирии должны были, без сомнения, помогать красноречию Раймунда. Королева, увлеченная просьбами этого князя и находясь под влиянием всяких угод со стороны чувственного и блистательного двора и, если верить историкам, под влиянием удовольствий и страстей, недостойных ее, постоянно убеждала короля промедлить своим отправлением к святому городу. Людовик VII был человек строгого благочестия, духа недоверчивого и ревнивого: побуждения, которые задерживали королеву в Антиохии, только увеличивали в нем решимость идти в Иерусалим. Упорство Элеоноры вызывало в нем подозрения, и эти подозрения делали его непоколебимым. Тогда Раймунд, обманутый в своих ожиданиях,

разразился жалобами и думал только о мести. Этот князь, говорит Вильгельм Тирский, был необуздан в своих желаниях «и столь злобен, что при раздражении не имел ни смысла, ни толку». Он легко сообщил свое негодование Элеоноре. Эта королева громко выражала намерение разойтись с Людовиком VII и расторгнуть брак под предлогом родства. Раймунд также клялся употребить насилие, чтобы удержать свою племянницу в своих владениях. Наконец, король Франции, оскорбленный в качестве короля и мужа, решился ускорить отъезд и был вынужден похитить свою собственную жену и отвезти ее ночью в свой лагерь.

Поведение королевы должно было являться соблазнительным в глазах неверных и христиан на Востоке. Ее пример мог иметь гибельные последствия в войске, где находилось большое число женщин. В толпе рыцарей и даже мусульман, которые во время пребывания Элеоноры в Антиохии привлекали к себе поочередно ее взоры, указывают на одного молодого турка, который получал от нее подарки и для которого она намеревалась оставить короля Франции. В таких обстоятельствах, замечает остроумно Мезере (французский историк XVII в.), часто говорят более, нежели есть; но иногда также бывает более, нежели говорят. Как бы то ни было, Людовик VII не мог забыть своего бесчестия и считал себя обязанным, несколько лет спустя, развестись с Элеонорой, которая вышла замуж за короля Англии, Генриха II, и передала ему герцогство Гвиез, что составило для Франции одно из самых плачевных последствий Второго крестового похода.

Король и бароны Иерусалима, опасаясь продолжительности пребывания Людовика в Антиохии, отправили к нему послов, заклиная именем Иисуса Христа торопиться с отправлением в Палестину. Король Франции исполнил их желание и прошел Сирию и Финикию, не останавливаясь при дворе графа Триполя, который имел те же намерения, как и Раймунд Пуату. Его прибытие в Святую землю произвело живейший восторг и воодушевило надежду христиан. Народ Иерусалима, князья, прелаты вышли к нему навстречу, держа в руках паль-